

Верви подають, да бы ся имати
 тонуцьымъ за ня, а не погибати;
 Дски и дрєвеса разлїчна вергають,
 елико могуць, помощь сотворяють...

Или, там же, портрет промывающего рану врача — в начале стихотворения „Врачь“ (лл. 86 об. — 87):

Врачи ови наипаче блажими бывають,
 иже не чрезъ рабы си больныхъ посѣщають,
 Но сами приходяще, касаются дѣлу
 и пособие дѣють уязвленну тѣлу.
 Низложше с плещу паллий, ленте приемлют,
 тѣмъ препоясавшесе, от раны отемають
 Платенца, и своими персты ощущають
 раны, и в нихъ смердящий отокъ очищають,
 Не гнушающеся тѣмъ, но вся тощю дѣють,
 яже хитростию си во ползу умѣють...

В свете такого рода развернутых описаний становится понятным наличие и в том и в другом сборнике целых стихотворных „повѣстей“, по терминологии самого Симеона; каждая „повѣсть“ выполняет у него ту же поэтическую функцию, что и единичный образ: как правило, она тоже — только формообразующий стихотворение материал, только „вещественная“ опора поэтической темы. Разница между единичным образом и „повѣстью“ у Симеона — чисто количественная: „повесть“ — система единичных образов, связанных между собою фабульным единством, подлежащая переводу на язык понятий и логических абстракций, как и всякий иной образ, всякая иная вещь. Повествовательный элемент и „Вертограда“ и „Рифмологиона“ Симеона Полоцкого (он налицо и в этом последнем сборнике, правда, в меньшей пропорции) — элемент, органически свойственный этим сборникам, предопределенный самой природой его, Симеона, поэтического мышления. В типологическом родстве „повѣстей“ Симеона с вышеприведенными стихотворениями легко убедиться на примере любого „фабульного“ его стихотворения, — допустим, такого, читающегося в „Вертограде“ под заглавием „Труба“ (лл. 498 об. — 499):

Трубитель нѣкий рыбы ловити хотяше,
 и пришедь на брегъ рѣки, надолзь трубяше,
 Призывая ко себѣ. Но ты не идяху,
 токмо во быстрой водѣ с собою играху.
 Онъ же, восприемъ мрежу, нача я ловити
 и, заемъ множество ихъ, на брегъ извлачити.
 Рыбы же, елма из водъ извлеченны бяху,
 по обычаю пред нимъ от нужды скакаху.
 Онъ рече: „Престаните прочее скакати,
 ибо азъ уже престахъ трубный глас даяти.